

АЛЕКСАНДР ХАРОНОВ

УБИТЬ ДАНТЕСА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Харонов

Убить Дантеса

«Автор»

2026

Харонов А.

Убить Дантеса / А. Харонов — «Автор», 2026

Что бы вы сделали, если бы случайно провалились во времени и оказались в Петербурге 1836 года? Андрей Пашкин знает ответ. Он спасёт Пушкина. Как истинный пушкиновед, Андрей прекрасно знает, что через несколько месяцев поэт погибнет на дуэли с Дантесом. Осталось лишь немного подправить историю — найти Дантеса и не дать ему убить кумира. Вот только история почему-то категорически не желает идти по учебнику. Вместо того чтобы спокойно спасать великого поэта, Андрею приходится привыкать к Петербургу XIX века, искать работу, знакомиться с князем Вяземским и обнаруживать, что живой Пушкин совсем не похож на бронзовый памятник. А потом выясняется, что убить Дантеса — далеко не самая большая проблема.

© Харонов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Харонов

Убить Дантеса

Глава 1. Мудак ты, Андрей!

Пролог.

Андрей Степанович Пашкин не любил первое сентября.

Не потому, что не любил студентов. Студенты его в целом устраивали. Особенно те, которые молчали, когда он говорил, и не задавали вопросов вроде: «А это нам на экзамен надо знать?»

Не любил он саму дату. Первое сентября всегда напоминало, что год опять начался сначала. Первокурсники вокруг радовались, покупали новые тетради, фотографировались возле университета, поздравляли друг друга с началом учебного года, а Андрей всякий раз испытывал странное ощущение, будто его жизнь тоже кто-то поставил на повтор.

Недавно ему исполнилось... Сорок лет. И кто он по жизни? Доцент. Кандидат филологических наук. Один опубликованный роман, который купили семьсот сорок три человека, из которых двести шестнадцать, вероятно, были родственниками автора.

Что еще?

Разведён. Детей нет. Только кошка. Обычная серая кошка, каких много на помойках возле дома. Кошку звали Маруся.

— Маруся, я пошёл.

Маруся сидела на подоконнике и смотрела на него с выражением существа, которое давно разочаровалось в человечестве.

— Не скучай.

Кошка равнодушно отвернулась.

— Спасибо за поддержку.

Андрей надел куртку, взял портфель и вышел.

Он жил одиннадцатый год в одной и той же однокомнатной квартире, которую он получил, после развода с женой, разменяв двушку с доплатой. Он собирался жить новую жизнь и это жильё казалась ему временным. Потом временность как-то незаметно превратилась в постоянство.

Квартира была обычной: книжные шкафы, диван, письменный стол, телевизор, холодильник, который начинал гудеть по ночам, и огромное количество книг. Большинство принадлежало Андрею. Некоторые — университету. Несколько — бывшей жене, которая так и не забрала их после развода.

А ещё был отдельный шкаф с Пушкиным.

Андрей иногда шутил, что если пожар начнётся ночью, сначала вынесет Марусю, потом Пушкина, а уже потом себя. Маруся, правда, подозревала, что в этой очереди она занимает далеко не первое место.

В университете Андрея знали, как хорошего преподавателя. Не блестящего, не выдающегося. Просто хорошего. Он умел рассказывать о литературе так, что даже сонные первокурсники иногда переставали смотреть в телефоны.

Особенно хорошо у него получался Пушкин. Здесь Андрей оживал. Он мог час говорить о нём без конспекта, без презентации и без всякой подготовки. Ему нравился не бронзовый Пушкин из школьного учебника. Не тот, который стоял на памятнике с задумчивым лицом и вечной рукой за спиной. Ему нравился живой, нервный, вспыльчивый, самолюбивый, быстрый на язык. Любящий женщин, вино, карты, споры и собственную свободу. Человек, который мог написать гениальное стихотворение утром, а вечером ввязаться в какую-нибудь совершенно идиотскую историю.

Андрей однажды сказал студентам:

— Знаете, почему Пушкина до сих пор интересно читать?

Несколько человек подняли головы.

— Потому что он не был хорошим человеком.

В аудитории стало тихо. Андрей улыбнулся.

— И не был плохим. Он был человеком. А это гораздо интереснее.

С задней парты спросили:

— А разве поэт обязан быть только хорошим человеком?

— Нет.

— А каким должен?

Андрей подумал.

— Все это не так важно, на самом деле, друзья мои. Ведь Александр Сергеевич – гениален. Это извиняет в нем некоторые... несоответствия.

После чего Андрей обычно читал какой-нибудь полюбившийся ему стих из огромного творчества Пушкина

Да. Он вообще любил Пушкина слишком сильно. Это нередко мешало. Коллеги посмеивались.

— Андрей Степанович, вам бы музей открыть.

— Какой?

— Пушкинский.

— Такой уже существует.

— Всегда можно открыть второй.

Андрей делал вид, что не обижается на подтрунивание коллег, он и сам был готов признать, что питает к Пушкину слабость. Ему нравилось читать письма Пушкина, дневники его современников, воспоминания людей, которые знали его лично. И чем больше он читал, тем сильнее ему хотелось увидеть его настоящего. Не портрет, не памятник, не строчки в учебнике.

Самого Пушкина.

Иногда Андрей даже представлял себе эту встречу. Вот он входит в комнату. Пушкин поднимает голову. Они разговаривают. Пушкин сначала относится к нему настороженно, потом заинтересовывается. Андрей рассказывает ему, что будет через двести лет.

О литературе. О России. О том, что его произведения будут читать. О том, что его будут называть величайшим русским поэтом. Пушкин сначала не верит. Потом смеётся, потом, само собой задаёт вопросы.

Андрей отвечал бы. Конечно, он отвечал бы. Он знал о Пушкине практически всё. Именно поэтому иногда ему становилось немного грустно от того, что **единственный человек, с которым ему так хотелось поговорить, давно умер.**

В университете Андрея Степановича Пашкина знали, как человека, который мог говорить о Пушкине **неограниченное количество времени.**

Именно поэтому коллеги старались с ним на эту тему не разговаривать.

— Андрей Степанович, у тебя сегодня методичка?

— Да.

— А Пушкин там есть?

— Нет.

— Фу, слава богу.

— Хотя...

— Всё. Ухожу.

Коллега Сергей Петрович действительно встал и вышел из кабинета. Андрей посмотрел ему вслед.

— Я всего лишь хотел сказать, что Пушкин в этом вопросе...

Дверь закрылась.

— Идиоты.

Он вернулся к компьютеру. На заставке рабочего стола у него стоял портрет Пушкина. Не памятник, не фотография. Литография. Ему нравилось именно это изображение: живой взгляд, немного насмешливое лицо, ощущение, будто поэт сейчас что-нибудь скажет.

Студенты, правда, считали, что Пушкин **смотрит на них как участковый на хулигана.**

Андрей считал это клеветой.

— Андрей Степанович!

Он поднял голову. В дверях стоял Сергей Петрович.

— Что?

— У тебя телефон звонит.

— Где?

— На столе.

Андрей посмотрел. Телефон действительно звонил. На экране высветилось: **«Александр Сергеевич»**. Андрей медленно поднял взгляд. Сергей Петрович уже смеялся.

— Очень смешно.

— Ну а что? Ты сам виноват.

— Это не мой контакт.

— Теперь твой.

— И что это за номер?

— Не знаю. Студенты подарили.

Андрей взял телефон.

— Алло?

На другом конце раздался голос:

— Андрей Степанович?

— Да.

— Это Александр Сергеевич.

Пауза. Андрей посмотрел на Сергея Петровича. Тот уже согнулся пополам от смеха.

— Какой Александр Сергеевич?

— Ну как какой? Пушкин.

Андрей нажал кнопку отмены звонка.

— Дебилы.

— Ты даже не поговорил!

— Потому что я знаю, что это вы.

— А вдруг настоящий?

Андрей посмотрел на него.

— Настоящий Пушкин умер сто девяносто лет назад.

Сергей Петрович задумался.

— А вдруг воскрес?

— Выйди.

— Всё-всё.

Он ушёл. Через несколько секунд Андрей услышал в коридоре:

— **Пушкин воскрес! Андрей его послал!**

Аудитория взорвалась смехом.

У студентов вообще существовала отдельная дисциплина: **«Как достать Пушкина»**.

Однажды на лекции Андрей открыл журнал и обнаружил между страниц записку:

«А.С. Пушкин сегодня отсутствует по причине дуэли».

Он молча посмотрел на аудиторию.

— Кто написал?

Тишина.

— Я спрашиваю, кто написал?

С последней парты:

— Александр Сергеевич.

Смех. Андрей вздохнул.

— Очень смешно.

Через минуту он продолжил:

— Итак. В 1830-е годы...

С первой парты:

— Андрей Степанович, а можно выйти?

— Конечно.

Студент встал.

— Куда?

— На дуэль.

Аудитория снова заржала. Андрей закрыл глаза.

— Господи...

Коллеги относились к его увлечению примерно так же. У Андрея действительно была небольшая коллекция. Книги. Письма. Репродукции. Несколько старых изданий. Однажды Сергей Петрович увидел, что Андрей принёс на работу очередной том.

— Что это?

— Пушкин.

— Какой?

— Александр Сергеевич, конечно, какой же еще? Полное собрание сочинений.

— А остальные неполные?

— У Петросяна шутки взял?

Сергей Петрович полистал книгу.

— Слушай, Андрей, у тебя дома вообще есть что-нибудь, кроме Пушкина?

— Конечно.

— Например?

— Лермонтов.

— Всё, я понял.

Однажды на семинаре студент спросил:

— Андрей Степанович, а если бы вы встретили Пушкина, что бы вы ему сказали?

Андрей задумался.

— Не знаю.

— Ну вы же столько о нём знаете.

— Знать о человеке и знать человека — разные вещи.

С задней парты:

— А вы бы ему рассказали, что его убьёт Дантес?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он мне не поверит.

— А если поверит?

Андрей улыбнулся.

— Тогда возможно, дуэль не состоится, и Александр Сергеевич останется жив.

— А что бы вы у него спросили?

Андрей посмотрел в окно.

— Даже не знаю... Спросил бы, наверное...

Он немного помолчал.

— Почему он всё-таки решил выйти на ту дуэль.

Студенты неожиданно замолчали.

Андрей продолжил:

— Мы знаем обстоятельства. Знаем письма. Знаем слухи. Но всё равно не знаем, что происходило у него в голове в тот момент.

— А вы бы с ним подружились?

Андрей усмехнулся.

— Думаю, да.

С последней парты:

— А он с вами?

Андрей посмотрел на студента.

— Почему нет?

Студент пожал плечами.

— Ну... вы же не дворянин.

Аудитория заржала. Андрей тоже улыбнулся.

— Идите вы все к чёрту.

В тот вечер он вернулся домой позже обычного. Маруся встретила его в коридоре. Посмотрела. Потом на пакет с продуктами, потом снова на него.

— Да, я купил тебе корм.

Маруся ушла.

— Спасибо.

Андрей поставил пакет на кухню. Квартира была тихой, даже чересчур. Он включил компьютер. На рабочем столе снова оказался Пушкин. Андрей посмотрел на него.

— Знаешь, Александр Сергеевич...

Он усмехнулся.

— Если бы ты только знал, сколько я о тебе читал.

Маруся сидела рядом.

— Наверное, ты бы меня послал.

Кошка посмотрела на него.

— Да. Ты тоже.

Он рассмеялся. Потом вдруг подумал, что завтра выходной. Погода хорошая. И грибной сезон как раз начался.

— А знаешь что, Маруся?

Кошка насторожилась.

— Завтра поеду в лес.

Маруся отвернулась.

— Один.

Она ушла. Андрей посмотрел ей вслед.

— Вот ведь характер.

Он ещё не знал, что **скоро действительно встретится с Александром Сергеевичем Пушкиным.**

И что знакомство это ему совершенно не понравится.

В пятницу занятий было немного. После последней пары Андрей задержался в кабинете, проверил несколько работ и только к пяти часам вышел из университета. На улице было неожиданно тепло. Сентябрь только начинался. Он постоял на ступенях, посмотрел на небо и вдруг понял, что ему совершенно не хочется ехать домой.

Дома его ждала Маруся, телевизор, холодильник, компьютер, книги. Те же стены, тот же вечер. Тот же завтрашний день. Скукота и серость.

Андрей полез в телефон. Сообщений не было. Он усмехнулся.

— Ну и прекрасно.

И тут вспомнил про грибы. Он любил ходить в лес один. Не потому, что был великим грибником. Наоборот, грибник из него был посредственный. Он мог пройти мимо белого гриба размером с футбольный мяч, зато обязательно находил мухомор. Впрочем, мухоморы он тоже собирал.

Но ему нравился сам лес. Тишина. Запах сырой земли. И главное — там никто ничего от него не хотел. Никаких студентов. Никаких коллег. Никаких электронных писем. Никаких разговоров. Он заехал домой, переоделся, бросил в рюкзак нож, воду, бутерброды, спички и старую армейскую дождевку.

Маруся наблюдала за приготовлениями. Он дал кошке корм и сказал:

— Я в лес.

Кошка молчала.

— На пару часов.

Маруся моргнула.

— Вернусь вечером.

Кошка отвернулась.

Андрей вздохнул.

— Ты даже не спросишь, куда?

Маруся ушла в другую комнату.

— Ладно.

Он закрыл дверь.

Лес встретил его тишиной. Первые полчаса Андрей шёл по знакомой дороге. Потом свернул. Потом ещё раз. Потом увидел хорошие берёзовые заросли и решил пройти чуть дальше. Грибы попадались. Подосиновики. Пара крепких подберёзовиков. Несколько сыроежек. Он положил их в корзину и пошёл дальше.

Через некоторое время Андрей остановился. Огляделся. Потом ещё раз. Лес был совершенно незнакомым.

— Чёрт.

Он достал телефон. Нет сети. Андрей посмотрел на экран. Батарея — всего двадцать процентов. Навигатор в телефоне конечно был, но он так и не удосужился загрузить карты, чтобы использовать его офлайн и теперь видимо пришло время об этом горько пожалеть.

— Охохо, — вздохнул обреченно Андрей и пошёл обратно.

Минут через двадцать понял, что идёт не обратно. Ещё через десять перестал понимать, куда вообще идёт. Начинало темнеть. Андрей ускорил шаг. Потом остановился. Где-то впереди послышалась вода. Он пошёл на звук. Через несколько минут деревья расступились. Перед ним оказалось небольшое лесное озеро. Совершенно незнакомое. Андрей посмотрел на него, потом на небо. Солнце уже садилось. Он тяжело вздохнул.

— Ну вот и приплыли. В буквальном смысле.

А потом заметил странность. Вода в озере была совершенно неподвижной. Ни ветра, ни ряби, ни единого насекомого над поверхностью.

— Ну прекрасно...

Он достал телефон. *Нет сети.* Посмотрел на заряд. *8%.*

— Супер! Все как я хотел! — по интеллигентному выругался Андрей.

Озеро было небольшим, почти круглым. Андрей решил обойти его — возможно, на другой стороне будет просека или дорога. Берег оказался топким. Он осторожно пробирался вдоль воды, выбирая места посуше. В какой-то момент под ногой хрустнула земля.

— Ой...

Андрей попытался перенести вес на другую ногу. Поздно. Кусок берега просто *поехал вниз.*

— Да блядь! – заорал Андрей, забыв, что он интеллигент и к тому же профессор.

Он успел ухватиться за куст, но куст оказался не настолько заинтересован в его спасении. Корни вырвались из земли. Андрей вместе с куском берега съехал в воду. **Бух!** Вода оказалась неожиданно глубокой. Он ушёл под поверхность почти целиком. Холодная вода мгновенно ударила в грудь, а потом и вовсе сомкнулась над головой. Андрей вынырнул:

— Сука!

Попытался ухватиться за берег. Пальцы скользнули по мокрой земле. Он снова ушёл под воду. На этот раз глубже. И тут произошло странное. Он ожидал почувствовать дно. Но дна не было. Андрей продолжал погружаться. Метр, два, три.

Он открыл глаза. Вода вокруг была мутной, тёмной... а потом вдруг стала *совершенно прозрачной*. И ещё через мгновение он понял, что видит над собой не поверхность озера. Он видел **небо**. Но не то небо, под которым только что стоял. Звёзды. Много звёзд. Андрей попытался вдохнуть. И обнаружил, что уже находится **не под водой**.

Он лежал на мокрой траве. Над ним шумели деревья. Он перевернулся на спину и несколько секунд просто хватал воздух.

— Что...

Потом сел. Посмотрел на озеро. Оно было перед ним. Спокойное, обычное. Андрей вытер лицо.

— Мне показалось?

Он поднялся. И только тогда заметил первую странность. **На противоположном берегу горел огонь**. А возле огня стояли люди. Люди в одежде, которую Андрей сначала принял за какой-то исторический костюм. Потом присмотрелся. И перестал улыбаться. Потому что костюмы были слишком хорошими. Слишком настоящими. И один из мужчин повернулся в его сторону.

У него в руках была *ружьё*.

Глава 1. Мудак ты, Андрей

Андрей вынырнул, закашлялся и несколько секунд просто лежал на берегу.

— Ну всё...

Он перевернулся на спину.

— Прекрасно.

Вода текла с волос на лицо.

— Грибов теперь точно не будет.

Рядом слышался голос:

— Ты живой, что ли?

Андрей открыл глаза.

Перед ним стоял мужик лет сорока в длинном кафтане, высоких сапогах и с ружьём через плечо.

Андрей несколько секунд смотрел на него.

Потом сказал:

— Вы что, реконструкторы?

Мужик нахмурился.

— Чего?

— Ничего.

Андрей сел.

— Помогите встать.

Мужик протянул руку.

Андрей ухватился за неё и поднялся.

— Спасибо.

— Ты откуда взялся?

— Из леса.

— Это я вижу.

— Я заблудился.

Мужик оглядел его мокрую одежду.

— Сие тоже вижу.

Андрей поморщился.

— Вы из какого-то театра, что ли?

— Какого ещё театра?

— Ну, историческая реконструкция.

Мужик посмотрел на него так, будто Андрей только что сообщил, что является Наполеоном Бонапартом.

— Ты пьян?

— Нет.

— Тогда чего несёшь?

Андрей посмотрел на него.

— Ладно. Неважно.

Он выжал рукав.

— Это где?

— Где?

— Ну здесь.

— Здесь?

— Да.

— В лесу.

— Спасибо, капитан Очевидность. Я это уже понял.

Мужик не оценил шутку.

— Ты, часом, не из сумасшедших?

— Нет.

— Тогда кто?

— Преподаватель.

Мужик нахмурился ещё сильнее.

— Чего преподаёшь?

— Литературу.

— А-а.

И по его тону было совершенно очевидно, что он понятия не имеет, что это такое, но решил не углубляться.

Андрей огляделся.

— Мне надо обратно к машине.

— К какой машине?

— К моей.

— Где она?

— На дороге.

— На какой дороге?

Андрей показал рукой.

— Там.

Мужик посмотрел туда.

— Там лес.

— Да.

— Дороги там нет.

— Есть.

— Нет.

— Есть.

— Нет.

Андрей устало вздохнул.

— Ладно. Потом найдём.

Он посмотрел на ружьё.

— А вы охотник?

— Егерь.

— А-а.

Теперь всё становилось понятнее. Ружьё. Одежда. Лес. Историческая реконструкция. Наверняка где-нибудь рядом стоит машина с генератором, палатки, камеры...

Андрей вдруг спросил:

— А где у вас остальные?

Егерь кивнул в сторону леса.

— Баре на охоте.

— Какие баре?

— Наши.

— В смысле?

— Баре.

Андрей посмотрел на него.

— Вы серьёзно?

— А чего мне шутить?

Через десять минут они вышли на небольшую поляну. Там стояла карета. Андрей остановился.

— Ого.

Теперь он уже не смеялся. Карета выглядела настоящей. Куда уж более настоящей! Рядом стояли две лошади. У колеса лежали какие-то мешки, ружейный футляр и несколько корзин.

— Где машина? — спросил Андрей.

Егерь посмотрел на него.

— Какая машина?

— Ну... автомобиль.

Мужик молча посмотрел на карету. Потом с явным недоумением на Андрея.

— У тебя, стало быть, ещё и авто... как ты там его назвал?

— Да.

— Где?

— На дороге.

— На какой?

Андрей раздражённо махнул рукой.

— На нормальной!

Егерь перекрестился.

— Господи...

Андрей посмотрел на него.

— Что?

— Ничего.

Через некоторое время из леса донёсся лай собак, затем послышались голоса.

Мужик оживился:

— Баре идут.

Андрей обернулся.

— Кто?

— Баре.

— А-а.

И тут Андрей наконец заметил странность. Мужик не говорил с ним как с равным. Не грубо, но так, будто разговаривал с человеком, который **вообще не имеет никакого положения**. И Андрей вдруг понял, что за последние двадцать минут ни разу не услышал привычного современного русского языка. Речь была понятной, но некоторые слова звучали иначе. Обороты. Интонации. Даже обращение...

Взгляд его упал на карету, на лошадей, на егеря. Потом снова на карету.

— Слушай...

— Чего?

— А город далеко?

Егерь пожал плечами.

— Верст сто.

Андрей замер.

— Сто?

— Ну.

— Это рядом?

Егерь посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Рядом?

— Ну, недалеко?

— Дня два пути, ежели хорошей дорогой.

Андрей медленно кивнул.

— Понятно.

И тут из леса донёлся чей-то смех. Андрей посмотрел туда. Он решил переспросить, думая, что егерь мог напутать и сказать про какой-то другой город.

— Челябинск далеко?

Егерь нахмурился.

— Что?

— Челябинск.

— Не знаю такого.

Андрей усмехнулся.

— Ну конечно.

Он ещё не знал, что через несколько минут ему предстоит узнать гораздо более неприятную вещь.

Челябинска действительно не существовало.

Зато Петербург был всего в ста верстах. И до Александра Сергеевича Пушкина оставалось гораздо меньше, чем Андрей мог себе представить.

Из леса наконец показались охотники. Первым вышел молодой человек лет тридцати с ружьём на плече. За ним ещё двое. Замыкал процессию мужчина лет пятидесяти — очевидно, хозяин всей этой компании.

Егерь сразу выпрямился.

— Барин.

— Что?

— Человека нашёл.

Все посмотрели на Андрея. Андрей посмотрел на всех.

— Добрый вечер.

— Добрый, — ответил старший.

Пауза.

— Заблудились?

— Да.

— Откуда шли?

— Из леса.

Барин слегка улыбнулся.

— Это я вижу.

Андрей промолчал. Пожалуй, сегодня ему уже второй человек сообщал очевидные вещи.

Он выглядел жалко. Волосы мокрые, куртка промокла почти насквозь, штаны прилипли к ногам, ботинки хлюпали при каждом шаге. Одежда, конечно, была странной, но в темноте и в таком состоянии выглядела скорее просто как одежда какого-то городского чудака.

Барин оглядел его.

— Вы не местный?

— Нет.

— Откуда?

— Из Челябинска.

Барин задумался.

— Что за место?

Андрей уже хотел объяснять, но вдруг решил, что не стоит.

— Далеко.

— Понятно.

Барин не стал допытываться. Это Андрея даже немного удивило. Он почему-то ожидал допроса. Но никому до него, похоже, не было особого дела. Баре устали. Охота явно прошла

неудачно. Две собаки вернулись без добычи, один из охотников был раздражён, второй зевал, а егерь выглядел так, будто хотел поскорее закончить этот день.

Барин посмотрел на Андрея.

— Вы похоже заблудились? До города отсюда далеко.

— Не знаю.

— Пешком не дойдёте.

— Наверное.

— Садитесь.

Андрей посмотрел на карету.

— Куда?

— В город.

— В какой?

Барин нахмурился.

— В Петербург.

Андрей даже не сразу понял услышанное.

— В... что?

— В Петербург.

Андрей посмотрел на егеря. Потом на барина. Потом на карету.

— Вы издеваетесь?

— Что?

— Ничего.

Он медленно подошёл к карете.

Петербург.

Вот теперь что-то начинало не сходиться. Но мозг отчаянно сопротивлялся. Нет. Не может быть. Он просто заблудился. Возможно, это какая-нибудь историческая усадьба. Рядом снимают фильм. Может быть, фестиваль. Может быть, вообще какой-нибудь закрытый клуб реконструкторов. Да мало ли. А Петербург... Ну Петербург и Петербург. До него, может, километров пятьдесят. Может, сто. Андрей забрался в карету. Внутри было тесно, зато сухо.

Барин сел напротив.

— Простудитесь ещё.

— Уже поздно.

— Что?

— Ничего.

Карета тронулась. Колёса загрохотали по дороге. Андрей прижался к стенке и закрыл глаза. Он чувствовал, как его начинает знобить. Несколько минут никто не разговаривал. Потом молодой охотник спросил:

— Вы, сударь, точно не пьяны?

Андрей открыл глаза.

— Точно.

— А ведёте себя странно.

— Согласен.

— Может, всё-таки выпили?

— Нет.

— Жаль.

— Почему?

— Было бы объяснение.

Андрей впервые за весь вечер улыбнулся.

— Вот с этим я согласен.

Он посмотрел в окно. Темнота. Вообще полная темнота, никаких огней, как обычно бывает, когда едут по дороге. Лес постепенно исчезал.

Андрей пытался восстановить события. Он пошёл за грибами. Заблудился. Вышел к озеру. Поскользнулся. Упал в воду. Потом встретил людей в старинной одежде. Теперь едет в Петербург.

В Петербург.

Андрей тихо произнёс:

— Мудак ты, Андрей.

Барин поднял глаза.

— Вы что-то сказали?

— Нет.

— Мне показалось.

— Мне тоже.

Карета продолжала ехать. Андрей снова посмотрел в окно. И вдруг увидел впереди огни большого города. Он ещё не знал, что это действительно Петербург. И что от его квартиры, университета и Маруси его отделяло теперь не сто километров. Не тысяча. И даже не вся Россия.

Сто девяносто лет.

Андрей заболел еще в дороге.

Сначала он просто дрожал. Потом перестал чувствовать ноги. Потом ему стало жарко. А потом он начал нести такую чушь, что даже кучер несколько раз оборачивался и крестился.

— Вы понимаете, — говорил Андрей, лежа в глубине брички под каким-то старым шерстяным покрывалом, — проблема человечества вообще не в том, что оно мало знает.

Барин, сидевший напротив, поднял глаза от книги.

— А в чем же?

— В том, что оно слишком много знает.

— Это любопытно.

— Например, у нас есть компьютеры.

— Что есть?

— Компьютеры.

— Это оружие?

— Нет. Ну... иногда.

Барин посмотрел на него внимательнее.

— А зачем они нужны?

— Чтобы люди могли работать быстрее.

— И они работают быстрее?

— Нет. Они просто больше сидят.

Барин усмехнулся.

— Любопытная у вас страна.

— Еще какая.

Андрей закашлялся.

— Там еще поезда.

— Поезда?

— Вагоны. Железная дорога.

— Железная?

— Ну да.

— И лошади их не везут?

— Нет.

Барин помолчал.

— А что же везет? Може пар. Я слышал про поезда, где-то в Англии.

— Пар? Ну... не совсем.

— А что?

Андрей задумался.

— Двигатель.

— А что такое двигатель?

— Железная штука.

Барин кивнул.

— Разумеется.

После этого Андрей минут десять молчал. Потом неожиданно оживился:

— А еще у нас женщины голосуют!

Барин перестал улыбаться.

— За что?

— За кого.

— За кого?

— За правителей.

Наступила тишина.

— И женщины выбирают правителей?

— Да.

Барин посмотрел на кучера. Кучер посмотрел на него.

— Похоже, — негромко сказал барин, — его все-таки надо показать доктору.

Андрей услышал только последнее слово.

— Доктору?

— Да.

— Только не психиатру.

— А кто такой психиатр?

— Врач для сумасшедших.

Барин задумался.

— Тогда, пожалуй, именно к нему.

— Я не сумасшедший!

Андрей попытался подняться, но тут же рухнул обратно.

— Я профессор!

— Это я уже понял.

— Литературы!

— Тем более.

Андрей снова провалился в жар.

В Мариинскую больницу его привезли уже почти без сознания.

Позже Андрей ничего не мог вспомнить о том, как его внесли внутрь. Остались только отдельные обрывки. Высокий потолок. Запах лекарств. Чужие голоса. Кровать. Белая рубаха.

Кто-то сказал:

— Осторожнее.

Кто-то другой:

— Горячий.

Потом холодная ладонь легла ему на лоб.

— Дышите.

Андрей открыл глаза. Над ним стоял человек лет сорока с серьезным лицом.

— Где я?

— В больнице.

— В какой?
— Мариинской.
Андрей несколько секунд смотрел на него.
Потом закрыл глаза.
— Ну конечно.
— Что?
— Ничего.
Он снова открыл глаза.
— А Петербург далеко?
Доктор нахмурился.
— Вы в Петербурге.
Андрей замер. Вот теперь он окончательно проснулся.
— В Петербурге?
— Да.
— В Санкт-Петербурге?
— Именно.
Андрей медленно повернул голову.
— А какой год?
Доктор посмотрел на него так, словно вопрос ему совершенно не понравился.
— Ты не помнишь?
— Помню.
— Какой?
Андрей сглотнул.
— Две тысячи...
Он остановился. Перед глазами поплыл потолок.
— Две тысячи...
— Что?
— Ничего.
Доктор потрогал ему лоб.
— Горячка.
— Нет, доктор. Тут другое.
— Что именно?
— Я, кажется, попал в прошлое.
Доктор посмотрел на него несколько секунд.
— А.
И записал что-то на листе. Андрей прищурился.
— Что вы написали?
— Ничего важного.
— Вы мне не верите?
— Я вам верю.
— Правда?
— Конечно.
Андрей облегченно вздохнул.
— Ну вот.
Доктор отложил перо.
— Вы больны.
— Это я и сам понимаю.
— Сильная лихорадка.
— Простуда.

- Возможно.
- Обычная ОРВИ.
- Доктор нахмурился.
- Что?
- Острая респираторная вирусная инфекция.
- Вирусная?
- Да.
- А что это за болезнь?

Андрей посмотрел на него и вдруг понял: он действительно ничего не знает. Вообще. Ни слова. Ни термина. Ни понятия.

- Забудьте.
- Доктор приложил пальцы к его запястью.
- Пульс учащен.
- Это от нервов.
- Отчего?
- От путешествия во времени.
- Доктор посмотрел на него.
- Понятно.
- Он снова что-то записал.
- Что вы там все время пишете?
- Наблюдения.
- А антибиотики есть?

- Доктор замер.
- Что?
- Антибиотики.
- Нет.
- Почему?
- Потому что я не знаю, что это такое.

- Андрей тяжело вздохнул.
- Конечно.
- Вам нужно согреться. Отдохнуть. Есть бульон. Пить теплое.
- И всё?
- А что еще?

- Андрей задумался.
- Можно парацетамол.

Доктор посмотрел на него с таким выражением лица, будто Андрей только что предложил лечить чуму порохом.

- Пара... что?
- Ничего.
- Возможно, вам понадобится кровопускание.
- Андрей резко открыл глаза.
- Чего?
- Кровопускание.
- Зачем?
- Чтобы уменьшить жар и облегчить состояние.
- Нет.
- Что?
- Нет.
- Почему?

— Потому что у меня и так кровь есть. Мне ее жалко.

Доктор впервые улыбнулся.

— Вы забавный человек.

— Я вообще-то профессор.

— Да, я понял.

— Литературы.

— Еще лучше.

Андрей закрыл глаза.

— Мудак ты, Андрей.

— Что?

— Ничего, доктор.

Через некоторое время к больнице явился тот самый барин. Он приехал не из чувства особой ответственности. Скорее из любопытства.

История с мокрым безумцем, который говорил о железных дорогах, женщинах, выбирающих государей, и каких-то невидимых машинах, показалась ему настолько занятой, что отпускать ее на волю было просто жалко.

Он вошел в приемную и спросил:

— Как наш больной?

Служитель посмотрел в бумаги.

— Который?

— Тот, что был доставлен вчера с дороги. Говорил странные вещи.

— А-а. Профессор?

— Именно.

— Жив.

— Уже хорошо.

— Лихорадка сильная.

— Доктор что говорит?

— Отдых, тепло, питание.

Барин кивнул.

— А содержание?

Служитель назвал сумму. Барин достал деньги.

— Запишите на меня.

— Хорошо.

Он уже собирался уходить, но остановился.

— Можно его увидеть?

— Он спит.

— Тогда позже.

И действительно пришел через несколько дней.

Андрей к тому времени уже немного оклемался. Жар спал. Голова соображала лучше. Только вот реальность от этого лучше не становилась. Он лежал на кровати и смотрел в потолок. Мариинская больница. Петербург. 1836 год. До смерти Пушкина оставалось чуть больше полугода. Он попал в прошлое. Не просто попал. Он действительно попал в прошлое. И где-то там, в этом городе, жил Александр Сергеевич Пушкин. Живой. Настоящий. Не портрет в учебнике. Не бюст. Не памятник. Не фамилия на табличке. Человек, которого Андрей мог встретить на улице.

Эта мысль должна была его обрадовать. Но почему-то первой пришла другая, уже успешная набить оскомину: «Мудак ты, Андрей».

Он закрыл глаза и тут услышал знакомый голос:

— Надеюсь, вы теперь не будете рассказывать доктору про железные дороги?

Андрей открыл глаза.

У кровати стоял его благодетель.

— Вы?

— Я.

— Вы меня помните?

— Как можно забыть человека, который утверждал, что женщины у него дома выбирают государя?

Андрей сел на кровати.

— Это правда.

— Разумеется.

Барин улыбнулся.

— Поэтому я и решил вас навестить.

— Зачем?

— Любопытно.

— Что именно?

— Послушать, что будет дальше.

Андрей посмотрел на него.

— А вы не боитесь?

— Чего?

— Что я сумасшедший?

Барин пожал плечами.

— Возможно.

— И вас это не пугает?

— Нет.

Он сел на стул.

— В Петербурге достаточно умных людей, чтобы от них утомиться. Иногда приятно послушать сумасшедшего.

Андрей впервые за несколько дней улыбнулся.

— Знаете...

— Что?

— Кажется, мы с вами подружимся.

Барин усмехнулся.

— Не спешите.

— Почему?

— Вы еще не знаете, кто я.

— А кто?

Барин назвал свое имя. Андрей замолчал. Имя было ему знакомо. Очень знакомо. Он смотрел на человека перед собой и пытался вспомнить, где именно его видел. А потом понял. В учебнике. В биографии Пушкина. Андрей медленно выдохнул.

— Ну всё...

— Что?

— Началось.

От осознания, где он оказался, что-то в голове перемкнуло, ноги подкосились. Андрей схватился за край кровати, на которой сидел и мешком повалился. А потом снова впал в беспамятство.

И снова он лежал без сознания. Андрей потом почти ничего не помнил. Кажется, это уже было и повторялось вновь, как неотступное дежавю. Снова больница... Высокий потолок. Запах лекарств. Чьи-то голоса. Кровать. Жар.

Холодная ладонь на лбу.

— Дышите глубже.

Андрей открыл глаза. Над ним стоял доктор лет сорока с серьезным лицом.

— Где я?

— В больнице.

— В какой?

— В Мариинской.

Андрей закрыл глаза. В голове плавал туман.

— Петербург?

— Да.

Он снова открыл глаза. Доктор смотрел на него внимательно.

— А год какой?

Доктор нахмурился.

— Вы помните, кто вы?

— Андрей Степанович Пашкин.

— Хорошо. А где вы были до того, как вас нашли?

Вот тут Андрей окончательно пришел в себя. Он вспомнил лес. Озеро. Воду. Телефон. Бричку. Барина. И свои разговоры по дороге. Компьютеры. Поезда. Женщины, выбирающие правителей. Двадцать первый век. Андрей медленно выдохнул.

«Вот теперь, Андрей, думай».

Если он действительно оказался в прошлом, говорить об этом первому встречному врачу было примерно так же разумно, как прийти в милицию с заявлением о похищении инопланетянами.

Он посмотрел на доктора.

— Я... писал рассказы.

— Рассказы?

— Да.

Доктор слегка удивился.

— Литератор?

— Вроде того.

— И что же случилось?

Андрей потер лоб.

— Я долго работал над одним рассказом. Фантастическим.

— О чем?

— О будущем.

— Понятно.

Андрей заметил, что доктор перестал хмуриться. Вот оно. Отлично.

— Видимо, во сне продолжил его придумывать, — сказал Андрей. — И начал рассказывать всякую чушь.

— Какую?

— Про машины, которые ездят без лошадей. Про железные дороги. Про какие-то устройства, которые позволяют разговаривать на расстоянии. Про женщин, участвующих в управлении государством.

Доктор посмотрел на него с некоторым недоумением.

— И всё это вы придумали?

— Разумеется.

Андрей сделал паузу.

— Художественный вымысел.

— А-а.

Доктор кивнул. Теперь всё было понятно. Человек литератор. Больной. Лихорадка. Фантастические рассказы. Никакого безумия. Просто писатель. Андрей мысленно поставил себе пятерку. Потом подумал: «Мудак ты, Андрей. Почему ты не придумал это сразу?»

Доктор снова приложил руку к его лбу.

— Жар всё еще сильный.

— Я чувствую.

— Вам необходимо лежать спокойно, пить теплое и хорошо питаться.

— А лекарство?

— Дадим.

— Антибиотики?

Доктор замер.

— Что?

Андрей мысленно ударил себя лбом о подушку.

— Ничего. Это тоже из рассказа.

— А-а.

Доктор записал что-то в лист.

— Что вы там пишете?

— Ничего особенного.

Андрей прищурился.

— Надеюсь, не «психически нездоров»?

Доктор усмехнулся.

— Нет. «Литератор».

— Уже лучше.

— А что касается лечения, возможно, потребуется кровопускание.

Андрей резко поднял голову.

— Нет.

— Почему?

— Я передумал.

— Насчет чего?

— Насчет того, что вы хороший доктор.

Доктор впервые улыбнулся.

— Отдыхайте.

Через несколько дней Андрей уже мог самостоятельно сидеть. Еще через день начал ходить. И вот тогда ему стало по-настоящему страшно. Не от больницы. Не от лекарств. Не от кровопускания. От календаря. Он осторожно расспрашивал больничных служителей, не задавая прямых вопросов. Какой сегодня день? Который месяц? Кто государь? Кто генерал-губернатор? Что происходит в городе? Ответы складывались в картину, от которой хотелось снова заболеть. Никакого Николая Петровича? Есть Николай Павлович. Император Николай I. Петербург. 1836 год.

Андрей сидел на кровати и смотрел перед собой. Он оказался здесь. По-настоящему. Не во сне. Не на съемочной площадке. Не среди реконструкторов. В 1836 году. За несколько месяцев до того, как Пушкин погибнет на Черной речке.

Андрей закрыл лицо руками.

— Ну и нахуя ты полез в то озеро?

Ответа не последовало. Потому что ответ был очевиден.

Барин приехал навестить его вечером. Он вошел в палату, снял перчатки и посмотрел на Андрея.

— Надеюсь, вам лучше?

— Значительно.

— Вы меня помните?

— Конечно.

— А что же вы мне рассказывали по дороге?

Андрей задумался.

— По дороге?

— Про машины.

— А-а.

Он улыбнулся.

— Это рассказы.

— Рассказы?

— Да. Я литератор.

— Вы мне об этом не говорили.

— Я был без сознания.

— Вы утверждали, что у вас в будущем женщины выбирают правителей.

— Художественный вымысел.

— И железные дороги?

— Железная дорога? — Так строят же.

— В смысле — железная дорога?

— А что вас так удивляет? В Англии уже есть. Герстнер обещает и у нас пустить паровые машины.

— А-а... Вы, кажется, знаете что-то об этом?

— Знаю.

— Откуда?

— Ну... помимо литературы, я иногда читаю газеты.

Барин задумался и потер гладко выбритый подбородок. Потом решил все же продолжить допрос.

— И машины без лошадей?

— Фантастика.

Барин несколько секунд молча смотрел на него.

— Должен признаться, вы довольно убедительный фантаст.

— Благодарю.

— А я было решил, что вы сумасшедший.

— Многие писатели производят такое впечатление.

Барин рассмеялся.

— Это правда.

Он сел рядом.

— Я заплатил за ваше содержание.

Андрей посмотрел на него.

— Вы?

— Разумеется.

— Спасибо.

— Не стоит. Мне было интересно.

— Интересно?

— Очень.

Барин улыбнулся.

— Вы говорили такие вещи, каких я прежде никогда не слышал.

— Вот видите. Писатель.

— Именно.

Он оглядел палату.

— А когда поправитесь, расскажете мне что-нибудь из своих рассказов?

Андрей задумался.

— Конечно.

— Про будущее?

— Про будущее.

— А оно действительно такое странное?

Андрей посмотрел на него. И впервые за все время ему стало по-настоящему весело.

— Вы даже представить себе не можете.

Барин засмеялся.

— Вот теперь я точно хочу это услышать.

Андрей тоже улыбнулся. Он еще не знал, что через несколько дней встретит человека, о котором знал практически всё. Вернее, думал, что знал.

Александра Сергеевича Пушкина.

И пока Андрей представлял эту встречу, в его голове существовал совершенно другой Пушкин. Гениальный поэт. Великий человек. Нервный, вспыльчивый, азартный, любвеобильный — но всё-таки великий.

Андрей еще не знал, что реальный Александр Сергеевич довольно быстро объяснит ему одну простую вещь:

великий поэт и приятный человек — это далеко не одно и то же.

Андрей уже собирался поблагодарить своего благодетеля и снова лечь, когда тот вдруг остановился у двери.

— Ах да, мы ведь так и не представились как следует.

Он обернулся.

— Пётр Андреевич Вяземский, князь.

Андрей замер. На несколько секунд он совершенно забыл, что нужно изображать обычного человека. Вяземский. Не однофамилец. Не литературный персонаж. Не портрет из учебника. Настоящий Вяземский стоял перед ним в нескольких шагах. Тот самый Пётр Андреевич, который дружил с Пушкиным. Который сидел с ним за одним столом, спорил с ним о стихах, читал его рукописи, знал его лично.

Андрей почувствовал, как у него начинает расплываться улыбка.

— Что с вами? — спросил Вяземский.

— Ничего.

— Вы так на меня смотрите, будто увидели привидение.

— Почти.

Вяземский усмехнулся.

— Вы ведь говорили, что пишете фантастические рассказы?

— Да.

— Так вот, сударь, вы совершенно не обязаны каждую минуту выглядеть так, будто сами в собственном рассказе оказались.

Андрей опустил глаза, пытаясь взять себя в руки. Получалось плохо.

— Князь... а вы давно знакомы с Александром Сергеевичем?

Вяземский посмотрел на него внимательнее.

— С Пушкиным?

У Андрея внутри всё подпрыгнуло.

Он кивнул.

— Довольно давно.

— Вы... часто с ним видите?

— Случается.

Андрей сел на кровати.

— Князь Пётр Андреевич...

— Да?

— А вы могли бы...

Он замолчал. Вяземский приподнял бровь.

— Что?

Андрей сглотнул.

— Познакомить меня с ним?

Повисла пауза. Вяземский улыбнулся.

— Почему бы и нет? Если вы действительно литератор, ему будет любопытно с вами познакомиться.

Андрей смотрел на него совершенно ошалевшими глазами.

— Вы... серьёзно?

— Совершенно.

— С Пушкиным?

— С Александром С

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.